

УДК 34.343.13

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-2-115-123

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЦЕЛЯХ УНИФИКАЦИИ ЕГО СТРУКТУРЫ ДЛЯ НОРМАТИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Пушкарев В.В.

Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических основ уголовно-процессуального статуса следователя. Автор формулирует понятие уголовно-процессуального статуса следователя и устанавливает объективную необходимость применения метода унификации его структуры для устранения излишнего многообразия её элементов. Выделенные системные элементы структуры уголовно-процессуального статуса следователя исследуются и располагаются автором в определённом порядке, образующем удобную для нормативного выражения и научно-практического использования систему. Устанавливается правовой и прогностический характер предложенной структуры процессуального статуса следователя. Раскрываются закономерности процессуального статуса следователя, учёт которых объективирует необходимость его правильного нормативного выражения в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства, предварительного следствия, повышения их качества и эффективности.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовно-процессуальный статус, следователь, функция уголовного преследования, полномочия следователя, самостоятельность.

FORMATION OF THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL STATUS OF THE INVESTIGATOR TARGETED TO STANDARDIZE ITS STRUCTURE FOR LEGAL EXPRESSIONS

V. Poushkarev

*Kikot Russian Ministry of Internal Affairs Moscow University
12, Akademika Volgina Street, Moscow, 117437, Russian Federation*

Abstract. The article considers the theoretical foundations of the criminal procedural status of the investigator. The author formulates the concept of criminal procedure status of the investigator and the objective need for a method of unification of its structure to eliminate unnecessary diversity of its elements. Dedicated system elements of the structure of criminal procedural status of investigators researched and arranged by the author in a certain order to create a convenient system to express the normative, scientific and practical use. The article establishes the legal and predictive nature of the proposed structure of the procedural status of the investigator and discloses patterns of the procedural status of the investigator, which need to be accounted and which make it necessary to qualitative normative expression in order to improve the criminal procedural law, the preliminary investigation, to enhance their quality and efficiency.

© Пушкарев В.В. , 2016.

Key words: pre-trial proceedings, criminal-procedural status, the investigator, the function of criminal prosecution, the powers of the investigator, the independence.

Для сферы уголовного судопроизводства характерен высокий градус теоретической и практической полемики, ведущейся в целях совершенствования предварительного следствия, повышения его качества и эффективности. Одно из значимых мест в этой жаркой дискуссии занимает проблема уголовно-процессуального статуса следователя, как фундаментального, цементирующего основания его процессуальной деятельности. Интерес к данному вопросу не случаен. В процессе реформирования уголовно-процессуального законодательства основное назначение уголовного судопроизводства было зафиксировано в ч. 1 ст. 6 УПК РФ в виде необходимости защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. При этом уголовно-процессуальный статус следователя, как одного из основных участников уголовного судопроизводства, так и не получил должного нормативного выражения, обеспечивающего полноценную регламентацию и эффективность его процессуальной деятельности.

Для разрешения обозначенной проблемы нами был проведён ретроспективный анализ норм отечественного уголовно-процессуального законодательства о процессуальном статусе следователя, который позволил установить некоторые закономерности в сущности, структуре и содержании данного статуса. При этом следует иметь в виду, что с течением времени менялась не толь-

ко функция следователя, но и политико-правовые реалии, в рамках которых формировались нормы о его процессуальном статусе. Остановимся лишь на некоторых положениях проведённого историко-правового анализа, которые послужат основой для дальнейших выводов, определяющих направления развития и совершенствования уголовно-процессуального статуса российского следователя.

Основной целью учреждения института судебного следователя в ходе Судебной реформы 20 ноября 1864 г. была необходимость исключения предварительного следствия из ведения полиции, поскольку данная функция полиции обоснованно и в крайне негативном ключе критиковалась самими различными представителями современной тому времени российской общественности.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [11], судебный следователь был отделён от органов исполнительной власти. Закреплённый уголовно-процессуальный статус судебного следователя как носителя судебной власти включал в себя все необходимые элементы процессуальной независимости и самостоятельности этого должностного лица.

В качестве уголовно-процессуальной функции судебного следователя указывалось осуществление независимого и беспристрастного предварительного исследования обстоятельств преступления в рамках реализации судебной власти. Называлось основное полномочие судебного следователя, которое заклю-

чалось в необходимости поиска, сбора и закрепления всех изобличающих и оправдывающих обвиняемого фактов и доказательств, обеспечивающих вынесение судом правосудного решения по делу. Устанавливались права и обязанности судебного следователя. Были закреплены нормы об ответственности судебного следователя.

События 1917 г. вызвали радикальное изменение общественных отношений в России, что послужило началом нового этапа развития уголовно-процессуального статуса следователя, трансформация и окончательная фиксация содержания которого происходили одновременно с модификацией сущности социального строя, в рамках которого он формировался.

Первоначально и недолгое время предварительное следствие осуществлялось коллегиальным способом в следственных комиссиях [5, с. 52–58]. Уже в 1920 году появилась фигура единоличного народного следователя [3]. В дальнейшем происходила постепенная конкретизация его процессуального статуса, в ходе которой последовательно увеличивался объём его процессуальной самостоятельности. По УПК РСФСР 1922 г. [10], следователь обладал действительной процессуальной самостоятельностью, а содержание его процессуального статуса было во многом заимствовано из процессуального статуса судебного следователя имперской России. Однако уже к 1923 г. (по УПК РСФСР 1923 г. [9]) процессуальная самостоятельность и независимость следователя были существенным образом ограничены. Происходило это в процессе чрезвычайного расширения полномочий прокурора по процессуальному руко-

водству и прокурорскому надзору за предварительным следствием. Не изменилась эта ситуация и с принятием УПК РСФСР 1960 г. [7].

В процессуальном статусе следователя советского периода фактически смешивались функции обвинения, защиты и разрешения дела под надзором прокурора.

Полномочия следователя раскрывались в ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. При изложении процессуального статуса следователя в УПК РСФСР 1960 г. было последовательно развито положение о его процессуальной самостоятельности. Поэтому полномочия следователя были детально разграничены с компетенцией иных должностных лиц уголовного процесса.

При провозглашении процессуальной самостоятельности следователя при принятии решений о направлении следствия и производстве следственных действий на стадиях досудебного производства, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, устанавливалось, что следователь несёт полную ответственность за их законное и своевременное проведение.

Принятие УПК РФ в 2001 г. послужило началом следующего этапа формирования процессуального статуса следователя в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве в условиях очередного слома общественно-политического устройства России.

В этих условиях процессуальный статус следователя был подвергнут серьёзному, особенно по сравнению с Уставом уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г., изменению. В эпоху демократизации и либерализации рос-

сийского общества при построении правового государства в ст. 15 УПК РФ был провозглашён принцип состязательности сторон. Последовательная его реализация привела к закреплению такой модели досудебного производства, когда следователь превратился в носителя обвинительной власти и, в силу требований п. 45 ст. 5, ст. 21 УПК РФ, стал обязан осуществлять функцию обвинения (уголовного преследования).

Естественно, что в такой ситуации возникли и продолжают существовать серьёзные противоречия между процессуальной компетенцией следователя по реализации функции обвинения и положениями принципа состязательности, наиболее значимые из которых были убедительно проанализированы А.В. Гриненко и требуют своего разрешения на законодательном уровне [2, с. 241–244].

Процессуальные полномочия следователя изложены в ч. 2 ст. 38 УПК РФ и заключаются в необходимости возбуждения уголовных дел при обнаружении признаков преступления, осуществления предварительного расследования, поиска, сбора и закрепления в материалах дела всех фактов и доказательств, обеспечивающих вынесение судом законного, обоснованного и справедливого приговора по данному делу. В положениях действующего уголовно-процессуального закона закреплены иные процессуальные права (например, ч. 3 ст. 88, ч. 1 ст. 91, ч. 1 ст. 97 УПК РФ) и обязанности следователя (например, ч. 4 ст. 7, ч. 2 ст. 10, ст. 11 Кодекса).

Исследованный генезис уголовно-процессуального статуса следователя в отечественном уголовно-процессу-

альном законодательстве убедительно выявил ряд существенных закономерностей данного института.

Во-первых, независимо от смены общественно-политических формаций в России, очевидна историко-правовая преемственность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальный статус следователя, что во многом является свидетельством универсальности данного института, его приемлемости и для общества, и для правовой системы государства.

Вторая закономерность позволяет констатировать, что в структуре уголовно-процессуального статуса следователя обнаруживается устойчивая система элементов, без которых надлежащее функционирование данного института невозможно. К системным элементам структуры уголовно-процессуального статуса следователя, безусловно, относятся уголовно-процессуальная функция, компетенция и ответственность следователя. Выделенная структура процессуального статуса следователя позволяет описывать все особенности процессуальной деятельности следователя в уголовном судопроизводстве.

Третья закономерность обусловлена предыдущими и заключается в том, что при любом изменении содержания системных элементов уголовно-процессуального статуса следователя его структура остаётся неизменной. Данная особенность позволяет научно предвидеть возможные реакции видоизменённой модели процессуального статуса следователя как самой по себе, так и во взаимодействии с моделями процессуальных статусов других участников уголовного судопроизводства и учитывать данную закономер-

ность при совершенствовании законодательства.

Ввиду избранной тематики настоящего исследования и ограниченного объёма изложения, автор настоящей статьи не ставит перед собой цели раскрыть в ней всё содержание уголовно-процессуального статуса следователя, тем не менее, считает необходимым сформулировать понятие уголовно-процессуального статуса следователя и охарактеризовать системные элементы его структуры.

Итак, на основе проведённого исследования становится возможным предложить следующую дефиницию: *уголовно-процессуальный статус следователя* – это установленная нормами уголовно-процессуального права система элементов, определяющих функцию, компетенцию и ответственность следователя.

Анализ соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства и, в частности, ст. 38 УПК РФ позволяет сделать ряд следующих выводов.

Во-первых, структура уголовно-процессуального статуса следователя в названной статье зафиксирована не полностью. Системные элементы структуры процессуального статуса следователя находятся в различных нормах УПК РФ, либо вообще отсутствуют, что делает их анализ весьма затруднительным. Например, в п. 41 ст. 5 и в ч. 1 ст. 38 УПК РФ отсутствует упоминание о функции следователя, как основного направления его процессуальной деятельности.

Представляется, что единая структура уголовно-процессуального статуса следователя и основное содержание его системных элементов должны быть нормативно выражены в ст. 38 УПК РФ.

Во-вторых, само «базовое» понятие *следователь* сформулировано в ч. 1 ст. 38 УПК РФ ограниченно, а по своей сути буквально «рассеяно» по трём статьям УПК РФ и содержится, в частности, в п. 41 ст. 5, ч. 1 ст. 38, ст. 151 УПК РФ. При этом процессуальный статус следователей различной ведомственной принадлежности не изменяется в зависимости от места прохождения ими службы: компетенция следователей различных ведомств разграничена лишь по подследственности, которая имеет внешнее выражение в квалификации тех или иных деяний. Сложившееся положение обосновывает необходимость изменения ч. 1 ст. 38 УПК РФ в целях совершенствования УПК РФ.

Предлагается изложить ч. 1 ст. 38 УПК РФ в следующей редакции: *«Следователь – должностное лицо Следственного комитета Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, реализующее функцию уголовного преследования и уполномоченное в пределах своей компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».*

Приведённая редакция ч. 1 ст. 38 УПК РФ не только определяет понятие «следователь», но и указывает на первый системный элемент структуры его уголовно-процессуального статуса – функцию следователя. Существо возлагаемой на следователя процессуальной функции выступает в качестве отправного, конструирующего пункта всего содержания его уголовно-процессуального статуса.

Процессуальная компетенция следователя является следующим системным элементом структуры его уголовно-процессуального статуса и представляет собой совокупность полномочий, прав и обязанностей следователя. Процессуальная компетенция следователя выражает содержание его уголовно-процессуального статуса.

Процессуальные полномочия предоставляются следователю законом для принятия процессуальных решений и совершения процессуальных действий в интересах других лиц при осуществлении уголовного преследования по уголовному делу. Процессуальные права следователя – это охраняемая возможность совершать процессуальные действия без ограничений. Процессуальные обязанности следователя – это процессуальные действия следователя, результатом неисполнения или ненадлежащего исполнения которых является наступление ответственности. Процессуальные права и обязанности следователя корреспондируют процессуальным правам и обязанностям других участников уголовного судопроизводства.

Процессуальная компетенция следователя не может быть полностью изложена в одной статье уголовно-процессуального закона. Традиционно (ст. 127 УПК РСФСР 1960 г., ч. 2 ст. 38 УПК РФ 2001 г.) при нормативном выражении процессуального статуса следователя использовался, хотя и небезупречно с точки зрения юридической техники, отсылочный способ описания его процессуальной компетенции, а также конкретных прав и обязанностей следователя, когда в соответствующей статье закреплялись его процессуальные полномочия, вытекающие из

общих задач, стоящих перед следователем. Такой подход следует признать правильным, однако несомненно, что процессуальные полномочия российского следователя, изложенные в ч. 2 ст. 38 УПК РФ подлежат теоретической и практической ревизии.

Приведём только два примера, обуславливающих эту необходимость. Во-первых, вызывает серьёзное недоумение тот факт, что одиозная задача возмещения ущерба, причинённого преступлением, никаким образом не отражена в ч. 2 ст. 38 УПК РФ в качестве одного из основных процессуальных полномочий, предоставленных следователю уголовно-процессуальным законом при осуществлении уголовного преследования по уголовному делу для принятия процессуальных решений и совершения процессуальных действий в интересах лиц, которым преступлением причинён вред [4, с. 184–188; 6, с. 60–62].

Во-вторых, весьма интересное положение сложилось с вопросом о процессуальной самостоятельности следователя [1, с. 98–101]. Несмотря на то, что она закреплена в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ в качестве его процессуального полномочия, реальный механизм его осуществления практически отсутствует. В связи с этим полагаем, что процессуальная самостоятельность следователя должна стать основополагающей идеей уголовного процесса и подлежит закреплению в составе принципов уголовного судопроизводства. Такое изменение уголовно-процессуального законодательства, несомненно, повлечёт трансформацию процессуального статуса следователя и потребует нормативного выражения процессуальной компетенции следователя в новом достаточном объёме

для повышения эффективности предварительного следствия.

О таком системном элементе уголовно-процессуального статуса следователя, как ответственность, в ст. 38 УПК РФ даже не упоминается. В связи с этим необходимо отметить, что таким образом нарушены правила описания уголовно-процессуального статуса в статье нормативного правового акта. Может сложиться впечатление о том, что следователь не несёт никакой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих процессуальных обязанностей при реализации своей процессуальной функции. Следует обратить внимание на ч. 7 ст. 60 УПК Республики Казахстан [8], где, как и ранее в ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г., закреплён данный системный элемент процессуального статуса следователя и, в частности, говорится о том, что следователь несёт полную ответственность за законное и своевременное исполнение своих процессуальных решений при производстве досудебного расследова-

ния. Следует положительно отметить стремление казахского законодателя к полноценному отражению структуры уголовно-процессуального статуса следователя в соответствующей статье уголовно-процессуального закона.

Несомненно, что норму об ответственности следователя следует выразить и закрепить в самой общей форме в ст. 38 УПК РФ, применив бланкетный способ её изложения.

В заключение необходимо отметить, что должное нормативное выражение структуры и содержания уголовно-процессуального статуса следователя указывает на степень совершенства и зрелости уголовно-процессуального законодательства, высокий уровень его качества, создаёт условия для повышения эффективности предварительного следствия. А дальнейшее исследование института уголовно-процессуального статуса следователя с учётом выделенных в настоящей статье закономерностей способно создать необходимые предпосылки для достижения данной цели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриненко А.В. О распределении полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения (сравнительное исследование современного законодательства и положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 98–101.
2. Гриненко А.В. Доказывание в состязательном уголовном процессе (досудебное производство) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 3. С. 241–244.
3. Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде РСФСР» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
4. Иванов Д.А. К вопросу о значении и способах оценки имущественного вреда, причинённого преступлением // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2015. № 9. С. 184–188.
5. Пушкарев В.В. Генезис уголовно-процессуального статуса следователя в первых актах советской власти // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 13-14 ноября 2015 г. Липецк: ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», 2015. С. 52–58.

6. Пушкарев В.В. О законном праве потерпевшего на возмещение материального ущерба, причинённого преступлением // Деятельность правоохранительных органов по реализации норм международного права и защите прав человека: Материалы международного науч.-практ. семинара / Редкол.: Анисимов П.В. (отв. ред.) и др. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 60–62.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // Казахстанская правда. 10.07.2014. № 133 (27754).
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
11. Устав уголовного судопроизводства Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX (1864). Ч. 2. № 41476. СПб., 1867.

REFERENCES:

1. Grinenko A.V. O raspredelenii polnomochii dolzhnostnykh lits ugolovного sudoproizvodstva so storony obvineniya (sravnitel'noe issledovanie sovremennogo zakonodatel'stva i polozhenii Ustava ugolovного sudoproizvodstva 1864 g.) [Distribution of office of the officers of the criminal proceedings for the prosecution (comparative study of modern legislation and the provisions of the Charter of criminal proceedings of 1864)] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. No 3. Pp. 98-101.
2. Grinenko A.V. Dokazyvanie v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse (dosudebnoe proizvodstvo) [The proof in adversarial criminal proceedings (pre-trial)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvenного oblastного universiteta. 2011. No 3. Pp. 241-244.
3. Dekret VTSIK ot 21 oktyabrya 1920 g. «Polozhenie o narodnom sude RSFSR» [The decree of the Central Executive Committee 21 October 1920 «The Position about national court of RSFSR»] // SU RSFSR. 1920. No 83. Art. 407.
4. Ivanov D.A. K voprosu o znachenii i sposobakh otsenki imushchestvenного vreda, prichinенного prestupleniem [The question of the meaning and methods of evaluation of property damage caused by the crime] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.YA. Kikotyа. 2015. No 9. Pp. 184-188.
5. Pushkarev V.V. Genesis ugolovno-protsessual'nogo statusa sledovatelyа v pervykh aktakh sovetskoй vlasti [The Genesis of criminal-procedural status of the investigator in the first acts of the Soviet government] // Gumanitaristika v usloviyakh sovremenной sotsiokul'turnoi transformatsii: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 13-14 noyabryа 2015 g. [The Humanities in the conditions of modern sociocultural transformation: Materials of the V all-Russian scientific-practical conference. November 13-14, 2015]. Lipetsk, FGBOU VPO «Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», 2015. Pp. 52-58.
6. Pushkarev V.V. O zakonnom prave poterpevshego na vozmeshchenie material'nogo ushcherba, prichinенного prestupleniem [The legitimate right of a victim to compensation for material damage caused by crime] // Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov po realizatsii norm mezhdunarodного prava i zashchite prav cheloveka: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminarа / Redkol.: Anisimov P.V. (otv. red.) i dr. [The activity of law enforcement bodies on implementation of the norms of international law and the protection of human rights: proceedings of the international scientific.-pract. seminar / Redkol.: Anisimov P.V. (resp. ed.) et al.]. Volgograd, VYUI MVD Rossii, 1998. Pp. 60-62.

7. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) [Criminal procedure code of the Russian Federation (approved RSFSR Supreme Soviet 27.10.1960)] // Vedomosti VS RSFSR. 1960. No 40. Art. 592.
8. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 g. № 231-V [The code of criminal procedure of the Republic of Kazakhstan dated 4 July 2014 No 231-V] // Kazakhstanskaya pravda. 10.07.2014. No 133 (27754).
9. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR ot 15 fevralya 1923 g. [The code of criminal procedure of the RSFSR of February 15, 1923] // SU RSFSR. 1923. No 7. Art. 106.
10. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR ot 25 maya 1922 g. [The code of criminal procedure of the RSFSR, dated 25 may 1922] // SU RSFSR. 1922. No 20-21. Art. 230.
11. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi imperii. Sobr. 2-e. T. XXXIX (1864). CH. 2. [The Charter of criminal proceedings of the Russian Empire. Coll. 2. T. XXXIX (1864). Part 2]. No 41476. СПб., 1867.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Виктор Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра предварительного расследования, Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя»;
e-mail: Vvp77r@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Poushkarev Victor – Candidate of Juridical sciences, Assistant Professor, the Department of Preliminary Investigation, Kikot Russian Ministry of Internal Affairs Moscow University;
e-mail: Vvp77r@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Пушкарев В.В. Формирование теоретических основ уголовно-процессуального статуса следователя в целях унификации его структуры для нормативного выражения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 2. С. 115-123.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-2-115-123

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Poushkarev V.V. Formation of the theoretical foundations of the criminal procedural status of the investigator targeted to standardize its structure for legal expressions // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 2. P. 115-123.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-2-115-123